

Лингвистика

УДК 811.111:81'23(045)

Н.И. Пушина

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ И ЭКОТЕКСТ

Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного: научиться жить на земле, как люди.

Бернард Шоу

В статье рассматриваются вопросы экологии языка (эколингвистики / лингвистической экологии) и экологии культуры, отражающей экологичное отношение к культуре и духовной, и материальной. Язык и культура как факторы экологии, как создатели экосистемы, экологической среды участвуют в создании экотекстов (эколитературы), повествующих о взаимосвязи, взаимопонимании человека и природы, об интересе человека к окружающей среде, к тому, что мир открывает человеку, проявляющему к нему добрый интерес, к сохранению этого мира, помощи ему и его обитателям. Подчеркивается значимость таких текстов, обусловленная тем, что они формируют коммуникативное пространство, в котором человеческое отношение к природе можно осознать и изменить. В качестве примера экотекста рассматриваются произведения Дж. Даррелла – известного писателя-анималиста, натуралиста, ставшие уникальным явлением в современной мировой литературе.

Ключевые слова: экология языка, эколингвистика, лингвистическая экология, экология культуры, экосистема, экологическая среда, экотекст, эколитература, писатель-анималист, писатель-натуралист.

Вопросы экологии в сфере языка и культуры, обсуждаемые специалистами разных областей – лингвистами, культурологами, философами, социологами, психологами, специалистами в сфере СМИ, информационных технологий и т.д., приобретают особое значение в связи с самым пристальным вниманием к экологии, прежде всего, в биологическом смысле, в связи с международными проектами, законами по окружающей среде, климату, исследованиями экологизации многих процессов и областей знания. Ускорение действиям в этом направлении призван придать год 2017, который объявлен годом экологии.

Как отмечал Д. С. Лихачев, «человек живет не только в определенной биосфере (термин академика В.И. Вернадского), но и в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной и «некультурной» (более редкой) деятельности. Человек осваивает природу (иногда нарушая существующие в ней равновесия), изменяет почву, растительность, создает и свою собственную культуру, менее зависящую от природы, но и чрезвычайно для него важную; поколения людей создают язык, письменность, литературу, все виды искусств, науку, обычаи. Традиции формируют его поведение, он наследует бытовые знания и бытовые материальные ценности. С момента появления своего на свет каждый человек оказывается в сфере, созданной тысячами поколений людей». Эту сферу Д.С. Лихачев предложил назвать гомосферой («человекоокружением») по образцу терминов В.И. Вернадского [10. С. 298-299]. Позже Д.С. Лихачев расширил понятие гомосферы, полагая, что у каждого народа, помимо общей гомосферы, гомосферы человечества, существует и своя, присущая ему гомосфера, своя ее разновидность, свои источники обогащения гомосферы, национальная специфика, поэтому можно говорить не только о гомосфере, но и об этногосфере [10].

С такого рода видением соотносится и современный антропоцентризм, суть которого заключается в том, что человек признается мерой всех вещей, он познает мир через осознание себя в этом мире, а язык выступает в качестве главной конституирующей характеристики человека мыслящего, человека говорящего, человека, творящего реальность. Постичь язык во всей его сложности и многогранности можно только при условии учета всего комплекса знаний о человеке: его физиологической и психической природе, месте его географического проживания, его истории, его принадлежности к определенному этносу и культуре [3; 5]. Язык должен изучаться для более глубокого понимания и объяснения

человека и мира, в котором он живет. В.А. Звегинцев приводит слова академика В.А. Энгельгардта, который в одном из своих выступлений отметил, что внимание многих ученых направлено на окружающую среду, внешнюю по отношению к человеку; ученые говорят о необходимости бережного отношения к ней, но для решения этой задачи необходимо обращение к «внутренней среде» человека, то есть его сознанию, к осознанию им необходимости бережного отношения к внешней среде [3. С. 175; 5].

С экологией языка связывают и эколингвистику, и лингвистическую экологию, и всю ту дискуссию, которую порождают данные термины. Наиболее разработанной эколингвистической отраслью следует признать лингвоэкологию, или экологию языка (включая отпочковавшиеся от нее направления, как, например, эмотивная лингвоэкология), которая имеет давние традиции, связанные с языковой и речевой культурой [14]. Разрабатывается экология перевода, критический анализ экологического дискурса, зачастую объединяемые под общим названием эколингвистика.

Считается, что отечественные лингвоэкологи озабочены проблемами русского языка, а эколингвисты стремятся вовлечь в исследовательское пространство материалы, созданные на разных языках, с возможностью их сопоставительной интерпретации. Сложной и нерешенной проблемой оказывается выбор адекватных терминов для наименования как отраслей, так и всей междисциплинарной сферы, поскольку исследователи по-прежнему ставят знак равенства между эколингвистикой и лингвоэкологией (экологией языка / языковой экологией / лингвистической экологией), употребляя их в качестве синонимов [8]. Имеющиеся словари подтверждают факт существования терминологической проблемы и приводят несколько терминов: *экология языка, языковая экология, лингвистическая экология, лингвоэкология, эколингвистика*, предлагая соответствующие определения и пояснения: «*Лингвистическая экология (экология языка) – научная дисциплина, исследующая языковые аспекты экологических проблем. То же самое, что лингвоэкология, эколингвистика*». При этом отмечается, что *лингвоэкология*, или *эколингвистика*, является важной составной частью экологии культуры. Ее волнует экологическое состояние языковой окружающей среды человека, нездоровой языковой среды обитания. Данное направление призвано оценить и дать объективную картину развития языка на современном этапе, предупредить об опасностях (подлинных и мнимых) в его развитии и наметить пути «оздоровления» в сложившейся ситуации [13]. Отметим еще одно определение, предложенное В.П. Коровушкиным: ... «*лингвоэкологию (эколингвистику) можно сжато и емко определить как самостоятельную междисциплинарную науку, изучающую существование языка в социально-антропологической среде и существование человека и общества в лингвистической среде*» [7. С. 62].

Словарь социолингвистических терминов выделяет два термина – *экологию языка* и *лингвоэкологию*. При этом *экология языка* определяется как *природные, социальные и культурные условия, необходимые для сохранения самобытности этнической общности и ее языка: цельность территории, сохранность национальной культуры, традиционных сфер деятельности носителей языка, а также высокий уровень национального самосознания*. Такое определение экологии языка дополнительно связывается авторами с рубриками: *Больной язык, Витальность языка, Сохранение языка* [12. С. 243]. Что касается определения *лингвоэкологии*, то в нем представлены два основных направления – 1) *языковая политика, направленная на сохранение языкового идиома (этнического языка, диалекта и т.п.)*; 2) *составная часть экологического мировоззрения, получившего развитие во второй половине XX в., которое рассматривает существование органических и неорганических сущностей в большей степени как «взаимовыгодные» отношения и в меньшей – как борьбу за существование*. В рамках второго направления формулируется широкая программа лингвоэкологических мероприятий, в частности а) *изучение языков в контексте их функционирования*; б) *исследование разнообразия лингвистических феноменов*; в) *признание возможности сосуществования «больших» и «малых» языков*; г) *прикладной характер исследований, которые направлены на решение языковых конфликтов, повышение качества образования, поддержку и возрождение миноритарных языков*; д) *исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем в условиях быстро изменяющейся реальности*; е) *определение факторов, обеспечивающих высокую степень витальности языков, учитывая социальный контекст их существования*. Соответственно дополнительно выделяются рубрики: *Сохранение языка, Языковая политика, Языковой плюрализм, Макросоциолингвистика* [12. С. 106-107].

Вместе с тем, видится возможность объединения всех сложившихся экологических направлений в одно – *эколингвистическое*, приняв термин *эколингвистика* в качестве основного для всех областей исследований, объединяющих экологию и лингвистику. Попытки подобного объединения (экологическая стилистика, экокритический анализ дискурса, экологическая поэтика, экология пере-

вода) под общим термином *эколингвистика* уже предпринимаются [1]. И здесь нельзя не согласиться с Н.А. Курашкиной в том, что термин *эколингвистика* – это «зонтичный» термин для обозначения широкого спектра подходов, преследующих разнообразные цели, в том числе и собственно лингво-экологические [8].

Суммируя термины, имеющие в своем составе элемент «эко», и связанные с экологией языка и культуры, можно получить достаточно внушительный список, который по-прежнему будет открытым, учитывая, что появляются все новые и новые образования с «эко»: *экология языка, языковая экология, лингвистическая экология, лингвоэкология, эколингвистика, экостилистика, экокритика, экокритический анализ дискурса, экопоэтика, экоперевод, эмотивная лингвоэкология, экогуманизм, экоантропоцентричная парадигма, экология информационного пространства, этнолингвистическая экология, этногосфера, экотекст, экотерминосистема, экоарт*, а также английские – *ecologically sound – not harming the ecology; eco-friendly – not harmful to the ENVIRONMENT* и другие.

Считается, что создание и становление парадигмы экологии языка (*ecology of language*), *эколингвистики* началось с биоморфной метафоры Э. Хаугена, определившего предмет *эколингвистики* – взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой. В концепции Э. Хаугена язык позиционируется как часть экосистемы, в которой он формируется и эволюционирует, подобно любому живому организму, удовлетворяя при этом все потребности своих пользователей [17. Р. 325, 327]. В последующие десятилетия в связи с положительным эффектом экологических параметров (взаимоотношения, окружение и разнообразие) диапазон распространения концепции экологии в лингвистике заметно расширился, и актуальная проблема деградации окружения была включена в сферу лингвистического интереса. В начале 1990-х гг. все разнообразные подходы, объединившие изучение языка с экологией, были выделены в особую сферу под названием *эколингвистика*.

А. Филл выделил разные области и аспекты *эколингвистики*, означив их соответствующей терминологией: а) *эколингвистика* – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику; б) *экология языка (языков)* исследует взаимодействие между языками (с целью сохранения языкового многообразия); в) *экологическая лингвистика* использует методы и принципы экологии для изучения языка (например, понятие экосистемы); г) *лингвистическая (языковая) экология* изучает взаимосвязь между языком и экологическими проблемами [15. Р. 48; 4].

М. Хэллидей, рассматривая вопрос о взаимодействии языка и окружающей среды, обратил внимание лингвистов на ряд теоретических аспектов, в частности насколько языковые структуры и единицы текстов задействованы в освещении вопросов, связанных с проблемами окружающей среды; может ли язык сделать эти проблемы более понятными, доступными и близкими для человека. При этом само понятие взаимодействия стало трактоваться учеными как *взаимное* влияние языка и окружающей среды, в результате которого изменяются оба объекта, поскольку они, будучи взаимосвязанными, образуют «экологическую систему» [16. Р. 175-202].

Слово «*экология*» составлено из двух греческих слов: *oikos + logos*.

Первая часть означает «дом», «родина», отсюда и более широкое современное значение «*среда обитания*». Вторая часть многозначна и обозначает: «слово», «понятие», «мысль», «определение», «речь», «учение». Следовательно, экология может трактоваться и как «*словесная (языковая) среда обитания*», а человек, как известно, живет и работает, действует и взаимодействует с другими людьми в определенной языковой среде. Язык – среда обитания любого человеческого коллектива, данного народа и каждого человека.

Как показывают наблюдения, объем понятия «экология» значительно расширяется. Существует глобальная экология – комплексная научная дисциплина, изучающая биосферу в целом, экологическую систему, охватывающую земной шар; мегаэкология, которая содержит и гуманитарную составляющую. Среди широкого спектра экологических наук возникает и экология культуры. Понятие это было введено Д.С. Лихачевым, оно отражает экологичное отношение к культуре и духовной, и материальной. Понятие появилось в 1960-е гг., однако сущность его и наполнение намного старше. Экология культуры связана с необходимостью сохранения культурной среды – неперемного условия для осуществления духовной, нравственной жизни человека, культурного наследия, а также окружающей среды.

Д.С. Лихачев подчеркивал, что в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для

жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы [10].

Экология культуры вместе с тем предполагает сосуществование, диалог, многообразие различных национальных культур, верований, и убеждений, различных художественных языков, в том числе и заумных, невнятных иррациональных, полифонию концепций и мнений [9. С. 5].

Нравственные и эстетические представления передаются человеку через литературу. Эта задача совершается непосредственно, когда человек читает, слушает или воспроизводит тексты вслух – одновременно читая и слушая их. Но передача совершается и опосредованно, когда человек воспринимает ценности литературы через других, через сформированные под влиянием литературы в обществе нравственные понятия, нормы поведения и эстетические представления. Роль литературы огромна, и счастлив тот народ, который имеет великую литературу на своем родном языке.

По мнению Д.С. Лихачева, для восприятия культурных ценностей во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения, заложенную в них культурную память. А чтобы воспринять художественное произведение точно и безошибочно, надо знать, кем, как и при каких обстоятельствах оно создавалось. Также точно и литературу в целом мы по-настоящему поймем, когда будем знать, как литература создавалась, формировалась, как участвовала в жизни народа [10].

Экология – это еще и понятие сбережения. Мы должны беречь свой язык (государственный и не только), потому что язык – это, прежде всего, культура. Язык предстает как инструмент формирования гармоничной среды жизнедеятельности человека и как важнейшее средство социального взаимодействия. Как один из основных признаков нации, язык выражает культуру народа, который на нем говорит – национальную культуру.

Язык и культура как факторы экологии, как создатели экосистемы, экологической среды, среды сбережения участвуют в создании экотекстов (эколитературы), повествующих о взаимосвязи, взаимопонимании человека и природы, об интересе человека к окружающей среде, к тому, что мир открывает человеку, проявляющему к нему добрый интерес, к сохранению этого мира, помощи ему и его обитателям.

Предлагается определить экотекст в широком смысле как озвученное или фиксированное на письме речетворческое произведение, идейно-содержательную основу которого образуют авторские представления о существующих или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах [6].

Значимость таких текстов обусловлена тем, что они формируют коммуникативное пространство, «в котором человеческое отношение к природе можно осознать и изменить» [18. Р. 28]. Как отмечает Н.В. Константинова, сознание читателя обрабатывает закодированные в тексте факты, результаты художественного осмысливания мира писателем, и вычленяет значимые актуализируемые в тексте смыслы. В экологическом тексте (экотексте) эти смыслы связаны с этическими, и / или эстетическими аспектами взаимодействия человека с окружающей средой. Человек при этом предстает в сети многочисленных, многомерных связей, которые «оживляют» изображаемый мир и усиливают авторско-читательское сомышление, отвечая представлениям читателя о связях в мире реальном [6. С. 49-51].

Примером такого рода текстов, такой литературы являются в первую очередь произведения хорошо известных писателей-натуралистов, писателей-анималистов, таких как Э. Сетон-Томпсон, Дж. Лондон, Д. Хэрриот (Джеймс Альфред Уайт), Д.О. Кервуд, М.К. Ролингс, Р. Чарлз, Дж. Даррелл, М.М. Пришвин, К. Г. Паустовский, В.В. Бианки, И.С. Тургенев и других.

Содержащие ценные сведения об окружающем мире, среде обитания человека, разнообразных представителях животного мира, об их жизни в естественных природных условиях, о сложных отношениях человека и животных, которые не знают условностей «нашего» мира и моментально реагируют на фальшь и доверяют лишь тем людям, в чьих сердцах доброта, понимание и участие, а порой и доброе детское любопытство, эти книги читаются как самая увлекательная, самая поучительная беллетристика. И как не вспомнить слова знаменитого американского писателя-натуралиста и путешественника Джеймса Оливера Кервуда, посвятившего свои лучшие приключенческие произведения животным и суровой природе Северной Канады и Аляски, которую автор очень любил, о том, что «больше всего охота захватывает не тогда, когда бьешь зверя, а когда оставляешь ему жизнь».

Особой притягательностью среди книг, посвященных миру, в котором мы живем, обладают книги Джеральда Даррелла, замечательного натуралиста и писателя. Все книги писателя несут на се-

бе яркий отпечаток самобытной, богато одаренной и деятельной личности [11]. Джеральд Даррелл был не только ученым-зоологом, писателем-анималистом, создателем и директором зоопарка, но и активным общественным деятелем, внесшим весомый вклад в дело охраны природы, сохранения редких и исчезающих видов животных.

Среди книг, написанных Дарреллом, особое место занимают три автобиографические: «Моя семья и другие звери» (“My Family and Other Animals”), «Птицы, звери и родственники» (“Birds, Beasts and Relatives”) и «Зеленый рай» (“The Garden of the Gods”). Все они относятся к одному периоду и представляют собой описание тех лет детства Джеральда Даррелла, когда семья жила на острове Корфу. Эти книги составляют своеобразную биографическую трилогию, которая, однако, как говорит сам автор, не является хронологическим изложением событий. В первой книге «Моя семья и другие звери» автор описывает весь период жизни семьи на острове Корфу от их отъезда из Англии и до отъезда с острова Корфу обратно в Англию. Две последующие книги детализируют и дополняют отдельные моменты, расширяют круг действующих лиц, охватывают эпизоды, не вошедшие в первую книгу.

В предисловии к книге «Моя семья и другие звери» автор пишет, что все в книге истинная правда и что жизнь семьи на острове Корфу могла бы сойти за одну из самых ярких и веселых оперетт, а годы, проведенные на острове, являются годами по-настоящему счастливого детства, которого, к сожалению, недостает многим городским детям. Прекрасный, солнечный Корфу стал для десятилетнего мальчишки настоящим «садом богов», где он мог с утра до вечера наслаждаться обществом муравьев и ухверток, ужей и ежей, дельфинов и скорпионов. В ту пору Д. Даррелла можно было бы с полным правом назвать «дитя природы». – *Living in Corfu was rather living in one of the more flamboyant and slapstick comic operas. The whole atmosphere and charm of the place was, I think, summed up neatly on an Admiralty map we had, which showed the island and the adjacent coastline in great detail* [19. P. 10].

В автобиографических воспоминаниях, как и в других книгах, наиболее полно раскрылась творческая индивидуальность и мастерство Даррелла-писателя, его оптимизм, любовь к природе, юмор, особая теплая лирическая тональность, умение подмечать смешное в людях, событиях, зверях и описывать все это живым нестандартным языком. Животных и насекомых Даррелл описывает как людей, одушевляет их, а родных, приятелей Лэрри и Марго и общих знакомых, приезжающих погостить к ним, нередко не без иронии сравнивает с животными.

Переезд семьи на остров Корфу был вызван сырым и прохладным климатом Британских островов, который особенно ощущался после Индии и доставлял семье немало неприятностей в виде простуд, кашля, плохого настроения. Всем членам семьи просто необходимо было солнце, голубое небо и теплое море.

После некоторых раздумий и споров миссис Даррелл сдалась, продала дом и, как образно выразился Даррелл, словно стайка перелетных ласточек, совсем налегке, вся семья улетела от английского мрачного лета в солнечную Грецию – *So we sold the house and fled from the gloom of the English summer, like a flock of migrating swallows* [19. P. 12].

Какое-то время семья занималась поиском жилья, что оказалось не простым занятием. Непременным условием, поставленным миссис Даррелл, было наличие ванной комнаты. Наконец, такой вариант нашелся, и миссис Даррелл и другие члены семьи отправились посмотреть и оценить предлагаемый дом. Всю дорогу миссис Даррелл дремала, но когда автомобиль уже подъезжал к назначенному месту, она внимательно начала вглядываться в открывающуюся панораму местности: и изящный поворот к холмам, возвышающимся над ослепительным морем, и окружающие их долины с оливковыми рощами и склоны, покрытые кипарисами, среди которых, подобно птичьему гнезду, примостился небольшой землянично-розового цвета дом, напоминавший экзотический фрукт в обрамлении зеленых листьев и растений. Кипарисы волнообразно покачивались на ветру, расцветившая небо невероятной голубизной, как будто, готовясь к приезду новых обитателей этих мест: *Mother, who had kept her eyes firmly shut throughout the drive, now opened them cautiously and looked. Spiro was pointing at a gentle curve of hillside that rose from the glittering sea. The hill and the valleys around it were an eiderdown of olive-groves that shone with a fish-like gleam where the breeze touched the leaves. Half way up the slope, guarded by a group of tall, slim cypress-trees, nestled a small strawberry-pink villa, like some exotic fruit lying in the greenery. The cypress-trees undulated gently in the breeze, as if they were busily painting the sky a still brighter blue for our arrival* [19. P. 16].

Уже в этом небольшом фрагменте, предваряющем описание дома, в котором предстоит жить семье Дж. Даррелла на острове Корфу, красота природы, все, что ее составляет, предполагает появ-

ление человека, готовится к его появлению. Эстетическая функция языка здесь реализуется в полном объеме. Такой текст нельзя не заметить и не восхититься им: эпитеты, метафоры, сравнения: *a gentle curve, glittering sea, an eiderdown olive-groves, a fish-like gleam, guarded by a group of tall, slim cypress-trees, nestled a small strawberry-pink villa, like some exotic fruit lying in the greenery*. Экологично и, вместе с тем, поэтично все – и голубое небо, и сверкающее на солнце море, и легкий ветерок – бриз, и оливковые рощи, и высокие, стройные кипарисы, и холмы, и склоны, и долины, и все в обрамление зеленой листвы, цветового символа экологии.

А далее следует глава под названием *“The Strawberry-Pink Villa”* – «Землянично-розовый дом». Это был небольшой дом, прямоугольной формы, который находился в небольшом саду и который имел нарочито розовую окраску. Ставни дома выгорели на солнце до кремовато-зеленого цвета, скрипели и местами вздулись. Одной из примечательных особенностей сада, огороженного высокой фуксией, были цветочные клумбы сложного геометрического рисунка, в форме звезд, полу-месяца, треугольников, круга, выложенные по краям гладким белым камнем. Цветы на клумбах отцвели, сплелись в мохнатые клубки и имели неопрятный переросший вид. Розы роняли свои лепестки, похожие на большие блюдца, ярко красные, жемчужно белые, блестящие и гладкие. Бархатцы, как выводки пушистых солнышек, стояли, наблюдая за движением по небу своего родителя (Солнца) [11]. Воздух был наполнен тяжелым ароматом отцветающих цветов и успокаивающими нежными звуками насекомых. Как только наши героини все это увидели, им захотелось жить именно здесь. Было такое чувство, что этот дом ждал их приезда, что они приехали к себе домой:

The villa was small and square, standing in its tiny garden with an air of pink-faced determination. Its shutters had been faded by the sun to a delicate creamy-green, cracked and bubbled in places. The garden, surrounded by tall fuchsia hedges, had the flower-beds worked in complicated geometrical patterns, marked with smooth white stones. The white cobbled paths, scarcely as wide as a rake’s head, wound laboriously round beds hardly larger than a big straw hat, beds in the shape of stars, half-moons, triangles and circles, all overgrown with a shaggy tangle of flowers run wild. Roses dropped petals that seemed as big and smooth as saucers, flame-red, moon-white, glossy and unwrinkled; marigolds like broods of shaggy suns stood watching their parent’s progress through the sky. The warm air was thick with the scent of a hundred dying flowers, and full of the gentle, soothing whisper and murmur of insects. As soon as we saw it, we wanted to live there – it was as though the villa had been standing there waiting for our arrival. We felt we had come home [19. P. 19].

Впечатления от увиденного также связаны с окружающей средой, с местоположением дома, маленьким садовым пространством, в которое он помещен, размерами и формой дома, его цветом, его ставнями, выгоревшими на солнце, обилием цветов, которые растут в саду и которые уже отцветают или отцвели – *fuchsia, roses, marigolds*; цветочными клумбами сложных геометрических форм – *in the shape of stars, half moons, triangles and circles*. Эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы визуализируют описание увиденного окружающего пространства и создают образ естественной гармонии человека и природы: *tiny garden, a delicate creamy-green, a shaggy tangle of flowers, glossy and unwrinkled, thick air, dying flowers; as wide as a rake’s head, larger than a big straw hat, as big as smooth as saucers, marigolds like broods of shaggy suns; a hundred dying flowers*.

Незабываемы впечатления от утра и от завтрака: *In the morning, when I woke, the bedroom shutters were luminous and barred with gold from the rising sun. The morning air was full of the scent of charcoal from the rising sun. The morning air was full of the scent of charcoal from the kitchen fire, full of eager cock-crows, the distant yap of dogs and the unsteady, melancholy tune of the goat-bells as the flocks were driven out to pasture*. Утром, когда Джеральд проснулся, ставни в его спальне светились золотом от лучей восходящего солнца. Пахло дымом от печи на кухне, пели петухи, где-то вдали раздавался лай собак, слышался звон колокольчиков овец, выгоняемых на пастбище.

Завтракали в саду под мандариновыми деревьями. Небо было чистым и ярким, но не полуденно знойным. Цветы еще не раскрылись. Завтрак проходил в молчании, так как в такой ранний час никто из членов семьи не имел склонности к разговору. Однако к концу завтрака кофе, тосты, яйца сделали свое дело. Все стали оживать, говорить друг с другом о своих намерениях, решениях. Джеральд не участвовал в этих дискуссиях, потому что он хорошо знал, чего хочет и старался как можно быстрее закончить свой завтрак: *We ate breakfast out in the garden, under the small tangerine-trees. The sky was fresh and shining, not yet the fierce blue of noon, but a clear milky opal. The flowers were half-asleep, roses dew-crumpled, marigolds still tightly shut. Breakfast was, on the whole, a leisurely and silent meal, for no*

member of the family was very talkative at that hour. By the end of the meal the influence of the coffee, toast and eggs made itself felt, and we started to revive, to tell each other what we intended to do, why we intended to do it, and then argue earnestly as to whether each had made a wise decision. I never joined in these discussions, for I knew perfectly well what I intended to do, and would concentrate on finishing my food as rapidly as possible [19. P. 22]. Окружавший его мир был наполнен интересными обитателями – птицами, насекомыми, растениями, цветами и т.д. А вскоре он познакомился и с множеством интересных людей, живших по соседству, которые стали его друзьями и которые запомнились ему на всю жизнь.

Наблюдения анималиста органично входят в очень целостные картины жизни, в которых люди, их стремления, интересы, взаимоотношения занимают не меньше места, чем описания животного мира. Даррелл последовательно проводит мысль о единстве человека и природы, об общей основе всего живого, о великой ценности жизни. Делает это он мудро и трезво, не противопоставляя естественной жизни, природе современную цивилизацию, не идеализируя ни первую, ни вторую [11]. Таким писательским кредо отмечены практически все произведения Даррелла и вся его деятельность превосходного знатока и любителя животных. В частности, в широко известной книге «Натуралист на мушке» – «How to Shoot an Amateur Naturalist», посвященной описанию съемок фильмов для телепрограммы о животных в самых разных уголках земли, – на тропических островах вблизи берегов Панамы и на севере Канады, в американской пустыне Сонора и в национальном парке Африки, перед нами предстают разные экосистемы, мы видим контрасты природы, многообразный мир животных, окунаемся в атмосферу создания фильмов о животных, встречаемся с интересными людьми, восхищаясь при этом языком, объективирующим авторское восприятие окружающего мира, людей и животных в этом мире, воплощаемое в приемах поэтики художественного текста, несмотря на стилистику публицистики:

Оставив позади залитый солнцем Ним с гортанным провансальским говором, мы перенеслись в самую северную часть Великобритании на остров Анст, входящий в группу Шетлендских островов, где воздух был нежным и теплым, как парное молоко, а звуки речи приглушенными, словно жужжание шмеля [2].

Первое, что нас ошеломило, это цвета – до того нежные, что, казалось, каждый оттенок зеленого и коричневого был сначала как бы разбавлен, а потом смягчен с помощью мела; низкие облака были точно такой же серой и бледно-кофейной окраски, что и развешенная повсюду на заборах и живой изгороди овечья шерсть. Невысокие округлые холмы мягких, сливочно-изумрудных оттенков переходили в шоколадно-лиловые в тех местах, где рос вереск. Обочины дорог были сплошь лимонно-желтыми от лютиков и одуванчиков; лишь изредка золотую гармонию нарушал ярко-фиолетовый вербейник. В сырых низинах цвели золотистые ирисы, вздымаясь, словно знамена, среди войска торчавших прямо из земли узких зеленых сабель-листьев [2].

Мы шли вперед, а вокруг по зеленому полю, точно взбитые сливки, были разбросаны стада овец. Через некоторое время дорога пошла под уклон, к отвесным скалам, под которыми раскинулся синий, словно цветы горечавки, Атлантический океан. – ... We moved on, the flocks of sheep like clotted cream on the green baize of the turf, the sun brilliant above us. Presently, the land started to drop away to precipitous cliffs and beyond was the Atlantic, blue as gentian flowers [2].

С нашего командного пункта был виден лежащий в сотнях футов от берега, прямо напротив нас, огромный утес в форме гигантского куска сыра чеддер, толстым краем уходящий в море.

Сказать, что этот птичий город находился в движении, значит не сказать ничего: Нью-Йорк в час пик по сравнению с ним спал беспробудным сном. – To say that Gannet City was busy would be an understatement. New York in the rush-hour would appear immobile in comparison [2].

В книгах Даррелла нет широких социальных обобщений и выводов, но их идейный адрес достаточно существенен и точен. Он обращает свой честный, талантливый голос ко всем людям с призывом сделать все, что можно, для охраны природы, оказавшейся в наше время в серьезной опасности. Любовь к природе, забота о ней должны стать органической частью нравственного сознания и эстетических чувств каждого человека. И в решении этой непростой проблемы лингвисты, культурологи, представители других научных сообществ, для которых экология и в узком, и в самом широком понимании является неотъемлемой частью их жизненного кредо, выражающегося в стремлении к очищению окружающей среды, ее сбережению, способны обратить многое на пользу всего человечества и нашей прекрасной планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозерова Н.Н. Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. Тюмень, 2012.
2. Даррелл Дж. натуралист на мушке. М., 1990.
3. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
4. Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2010. № 1 (11). С. 86-93.
5. Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. Барнаул, 2009.
6. Константинова Н.В. Некоторые особенности экотекста // Основные проблемы гуманитарных наук. – Волгоград, 2014. С. 49-51.
7. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2011. Т. 1, № 28. С. 60-64.
8. Курашкина Н.А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143-156.
9. Левит С.Я. Экология культуры: научно-аналитический обзор / Академия наук СССР; Институт научной информации по общественным наукам. М., 1990.
10. Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 2014.
11. Розендорн Т.П. Предисловие // Durrell G. My Family and Other Animals. М., 1987. С. 3-7.
12. Словарь социоллингвистических терминов. – М., 2006.
13. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. СПб., 2011.
14. Шаховский В.И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград, 2017.
15. Fill A. Ecolinguistics. State of the Art 1988 // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L.; N.Y., 2001. P. 43-54.
16. Halliday M. A. K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L.; N.Y., 2001. P. 175-202.
17. Haugen E. The Ecology of Language. Stanford, 1972.
18. Rosendale S. Extending Ecocriticism // The Greening of Literary Scholarship: Literature, Theory and the Environment. Iowa, 2002.
19. Durrell G. My Family and Other Animals. М., 1987.

Поступила в редакцию 17.07.17

N.I. Pushina

THE ISSUES OF LANGUAGE AND CULTURE ECOLOGY AND ECOTEXT

The article is devoted to the issues of language ecology (ecolinguistics / linguistic ecology) and culture ecology, which reflect ecological attitude to both spiritual and material culture. Language and culture as ecology factors, creating ecosystems and ecospace, participate in ecotexts (ecoliterature) creation which tell the readers about interrelations and mutual understanding between a man and nature, about a man's interest to the environment, to that what the world opens to a man, who shows his kind interest to the protection of this world and his help to it and its inhabitants. The importance of such texts is stressed, which is determined by their communicative space in which a human attitude towards nature can be realized and changed. As an example of an ecotext the author of the article analyzes books by G. Durrell – a well-known writer-animalist, naturalist – which became a unique phenomenon in modern world literature.

Keywords: language ecology, ecolinguistics, linguistic ecology, culture ecology, ecosystem, ecological space, ecotext, ecoliterature, writer-animalist, writer-naturalist.

Пушина Наталья Иосифовна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Pushina N.I.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru